

В.Н. Рябцев. Современный иранский кризис как объект геополитического анализа: региональный и глобальный контекст. Ростов-на-Дону, 2008. 576 с.

Рецензия – Максим Братерский

В последние годы Иран прочно занял первое место в заголовках мировых новостей, посвященных международной жизни. Большинство экономически развитых стран мира – сначала США, а теперь и большинство европейцев, подозревают Иран в работах по созданию ядерного оружия

Как иранскую ситуацию видит Россия?

Безусловно, России совершенно не нужно еще одно ядерное государство у ее южных границ, которое к тому же обладает средствами доставки ЯО и находится в очень сложных отношениях не только с США, но и с Израилем, Пакистаном, соседними арабскими государствами.

Да и сами отношения между Россией и Ираном далеко не безоблачны. Существуют противоречия по вопросу о разделе каспийского шельфа, стороны недовольны друг другом в вопросе выполнения контракта по строительству Бушерской АЭС, Россия не солидарна с Ираном в его антиизраильской линии. Вместе с тем, обе страны проявляют сдержанность во взаимоотношениях: например Иран не поддался на искушение усилить свои позиции на Южном Кавказе в 1990-х гг. за счет России. Россия и Иран находятся в одном клубе стран-экспортеров нефти и газа, Россия рассматривает Иран как важный рынок для экспорта продукции своего машиностроения, в том числе оружия и оборудования для атомной энергетики. Обе страны объединяет неприятие доминирующей роли США в мире, обе страны являются объектами критики Запада по вопросу о демократии, и Россия и Иран упорно пытаются обеспечить свой суверенитет, что в современном мире очень нелегко.

Можно констатировать, что в целом Россия поддерживает оценки, которые даются на Западе по отношению к *иранской проблеме* (о чем свидетельствует поддержка Россией санкций СБ ООН). Однако в части вопроса, как эту проблему решать, что делать и как далеко Россия готова идти, существует множество нюансов.

В отличие от американцев, а в последнее время и западноевропейцев, Россия не испытывает иррационального ужаса перед иранским теократическим режимом. С точки зрения Запада, основная опасность для *цивилизованного мира* исходит не столько от самого факта обладания Ираном ядерным оружием, сколько от характера режима, который это оружие будет контролировать. Именно поэтому Запад мирится с наличием ядерного оружия у Израиля и Индии, и опасается ядерных программ Северной Кореи, Пакистана и Ирана.

Россия по-другому ощущает угрозы своей безопасности. В отличие от США, которые в течение веков были полностью защищены от внешней угрозы, у России *абсолютного страхового полиса* никогда не было. В обеспечении своей безопасности Россия при-

выкла полагаться на множество инструментов, в том числе и на хорошие отношения с соседями.

В отличие от американцев и европейцев, Россия останется соседом Ирана навсегда, в том числе и после разрешения данного кризиса. В случае неудачи силовой акции против Ирана, если она будет, американцы сядут на свои корабли и уплывут домой. У России такой возможности не будет, поэтому она действует с гораздо большей оглядкой на возможные последствия.

При этом российские политики склонны видеть в антииранской политике Запада не только обеспокоенность его ядерной программой, но и политический инструмент для выдавливания России из Ирана и региона Персидского залива.

В этом контексте интересно обратиться к книге В.Н. Рябцева, в которой предпринята попытка комплексного анализа иранского кризиса и политического контекста, в котором этот кризис развивается. Работа подкупает широтой охвата проблематики, в ней задействовано огромное количество материала, она очень скрупулезно написана. В своей работе В.Н. Рябцев детально рассматривает комплекс взаимоотношений между Ираном и его непосредственными соседями, между Ираном и внешними для региона державами, а также взаимодействия между глобальными и региональными стратегиями крупных мировых игроков, оказывающими влияние на развитие иранской проблематики. Важное место в книге занимает анализ внешнеполитической стратегии собственно Ирана (с.115–149), где автор приводит весомые аргументы в пользу признания за Ираном статуса региональной державы Персидского залива и Каспийского региона, с соответствующими политическими амбициями.

Особой ценностью для читателя обладает раздел 7 работы, посвященный анализу взаимодействия разнообразных сил и их комбинаций в регионе Персидского залива и Большой Средней Азии. Автор подробно останавливается на интересах и практических шагах США, России, КНР, ЕС, НАТО, ОДКБ в реализации ими своих интересов и стратегий как в отношении добычи и транспортировки энергоресурсов, так и в вопросах национальной безопасности.

Несмотря на общее положительное впечатление от масштаба замысла автора, нельзя не отметить несколько слабостей работы, которые, на наш взгляд, размывают ее значение.

Первое. На содержание и построение монографии слишком сильно повлиял период, в течение которого автор над ней работал – а именно, период нахождения в Белом доме администрации Джорджа Буша – младшего. Своими многочисленными филиппиками в адрес Буша и его политики автор не оставляет сомнения в своем отношении к этому президенту и США в целом, но порой сужает свою точку зрения исключительно до действий ненавистного ему политика и его администрации, не оглядываясь на более широкий стратегический и временной контекст. В результате примитивизаций и искажений читателю предъясняется упрощенная схема как иранского кризиса как такового, так и американской политики в его отношении.

Схема кризиса в изложении В.Н. Рябцева выглядит следующим образом: Ближний и Средний Восток богат энергоресурсами, а в мире обостряется энергетический кризис (раздел 1); Администрация США воспользовалась поводом 11 сентября для взятия под контроль энергетических ресурсов исламского мира (раздел 2); Иран – единственное государство региона, которое мешает осуществлению планов США (раздел 3); Главная и единственная причина проведения Соединенными Штатами определенной политики в отношении Ирана и его соседей состоит в желании США покорить Иран своей воле и консолидировать свой контроль над энергоресурсами региона (раздел 4 – 7).

Трудно спорить с автором, что перечисленные мотивы в политике США присутствуют, но исчерпывается ли дело лишь ими? Можно ли полагать, что США остерегаются появления у Ирана ядерного оружия лишь из-за перспективы потеря контроля над нефтяными потоками (да и где тот контроль)? Можно ли считать, что вмешательство Ирана в ливанские и арабо-израильские дела рассматриваются в Вашингтоне лишь как угроза

уже отмененным, похоже, планам построения *Великого Ближнего Востока* (цит. по В.Н. Рябцеву, так он переводит Greater Middle East)², но существенный нюанс в том, что это не Great, а Greater Middle East, то есть Расширенный Ближний Восток³, и от этого происходит существенное смысловое искажение. Стоит ли в анализе мотивов администрации Буша вставать на сверх-реалистичные, рациональные позиции, напроочь отменяя идеалистический, идеологический компонент, который, по словам самого автора (с.82), являлся для *неоконов* чуть ли не центральным?

Если говорить прямым текстом, то основная причина неприятия Соединенными Штатами современного Ирана состоит не в нефтяной проблематике, а в том, что мусульманский теократический режим олицетворяет для США непредсказуемость, неприемлемую систему ценностей, в своей внешней и внутренней политике действует вопреки существующим правилам и, следовательно, непонятен и опасен. Никто в США всерьез не беспокоится по поводу военной ядерной программы Индии или Израиля, потому что мотивы действий этих стран понятны, понятен и механизм принятия решений их руководством. Другое дело – Иран. Иранская политика США выросла не на пустом месте, она определяется тем, как Соединенные Штаты видели и продолжают видеть окружающий мир и свою роль в нем.

Администрация Буша действовала в рамках внешнеполитической идеологии, разработанной еще при администрации Билла Клинтона, которая, в свою очередь, продолжила развитие обозначившейся во внешней политике США линии на более активное вмешательство во внутренние процессы, происходившие в зарубежных странах.

После терактов 11 сентября 2001 г. общественное мнение США предсказуемо качнулось в сторону силовых методов ведения внешней политики. Американцы выступили за то, чтобы наказать не только самих террористов, но и страны, которые их поддерживают и укрывают. Лозунг войны с терроризмом дал Вашингтону уникальную возможность увязать антитеррористическую кампанию, полностью поддерживаемую американцами, с широким кругом внешнеполитических приоритетов, выдвигаемых самой администрацией. Высший приоритет обеспечения безопасности национальной территории США соединили с необходимостью проведения глобальной антитеррористической кампании. Государства, дающие приют террористам (часто против своей воли), были предупреждены, что их может постигнуть судьба *Талибана* в Афганистане. Усиливая связь между антитеррористической борьбой и обеспечением других интересов США за рубежом, Буш заявил, что глобальная борьба с терроризмом предоставляет прекрасную возможность «повести все страны к ценностям, которые обеспечат длительный мир»³. По мнению американской администрации, те страны, которые не уважают эти ценности, одновременно пытаются получить доступ к оружию массового уничтожения. Буш объединил их в категорию стран *оси зла* (изначально Иран, Ирак, Северная Корея, позже – также Сирия и одно время – Ливия и Судан) и предупредил, что эти страны несут угрозу миру и конкретно США, так как они «могут предоставить такое оружие террористам и тем самым дать им средства, соответствующие степени их ненависти. Они могут напасть на наших союзников или попытаться шантажировать Соединенные Штаты»⁴.

Буш не остановился на идентификации новой глобальной угрозы Соединенным Штатам, а пошел дальше и сформулировал доктрину *превентивной войны*: «Я не буду ожидать развития событий, в то время как угрозы нарастают. Я не буду оставаться безучастным, в то время как опасность становится все ближе». Кондолиза Райс в заявлении перед сенатским комитетом по международным делам в связи с утверждением ее в должности госсекретаря определила три направления американской политики: «Во-первых, мы пригласим демократическое сообщество построить международную систему, которая будет основываться на наших общих ценностях и праве закона. Во-вторых, мы укрепим демократическое сообщество для противостояния угрозам нашей общей безопасности и для ликвидации ощущения безнадежности, которая питает страх. И, в-третьих, мы распространим свободу и демократию по всему земному шару»⁴.

Данное видение мира послужило основой становления стратегии США в отношении *стран-изгоев*. Эта стратегия была сформулирована советником президента по национальной безопасности в администрации Клинтона Энтони Лейком как *доктрина сдер-*

живания для новой эпохи. Для достижения поставленных целей Соединенным Штатам были предложены два инструмента: *нейтрализация* и *трансформация*. Сдерживание предполагает международную изоляцию *страны-изгоя* путем создания международных политических коалиций, экономических санкций и военных инструментов с целью, во-первых, *держать страну в клетке* и не позволить ей совершить новые преступные действия, и, во-вторых, – заставить ее силой модифицировать свое поведение в соответствии с общепринятыми правилами. Крайним вариантом сдерживания может стать *стратегия отбрасывания (rollback)*, когда преследуется цель изменить природу правящего режима путем поддержки внутренней оппозиции, спецопераций и прямой военной интервенции. Стратегия вовлечения преследует те же цели, но предполагает достичь их вовлечением режима в международную торговлю, развитием культурных связей и туризма, включением страны в сеть международных организаций и договоров.

В результате, как предполагается, для сохранения получаемых преимуществ и благ *страна-изгой* будет делать все больше мелких уступок, отказываться от наиболее одиозных планов и постепенно трансформируется в *нормальную страну*. Последним серьезным шагом в развитии понимания Соединенными Штатами природы угроз, исходящих от *стран-изгоев*, стало принятие в 2002 г. новой Стратегии национальной безопасности США. Мировой терроризм и поддерживающие его режимы (в американском понимании – *страны-изгои*) были признаны в этом документе главной и непосредственной угрозой безопасности Соединенных Штатов; были уточнены признаки, по которым США причисляют страны к категории *изгоев*. Это те страны, которые:

- ❑ жестоко обращаются со своим собственным народом и расточительно тратят национальные ресурсы в личных интересах правящей верхушки;
- ❑ демонстрируют неуважение к международному праву, угрожают своим соседям и грубо нарушают подписанные ими договоры;
- ❑ настойчиво пытаются овладеть оружием массового уничтожения и современными военными технологиями, с тем, чтобы использовать их для угроз и агрессии в процессе достижения своих целей;
- ❑ поддерживают терроризм по всему миру;
- ❑ отвергают основные человеческие ценности, ненавидят США и все, что они представляют.

Основные угрозы своим национальным интересам Соединенные Штаты и сегодня видят в действиях репрессивных режимов, которые пытаются повысить свой международный статус силовыми методами, добиваются доступа к оружию массового уничтожения, грабят свои народы для личного обогащения, развертывания новых военных программ и осуществления внешнеполитических авантур. В условиях роста глобальной взаимозависимости США теперь рассматривают как угрозу международной стабильности, а, следовательно, своим интересам, также потерю управляемости внутренними процессами в отдельных странах мира, что превращает последние в рассадник терроризма и преступности, приводит к внутренним конфликтам, генерирует гуманитарные катастрофы.

Как нам представляется – именно эти соображения стоят в основе политики США в отношении Ирана, хотя энергетический фактор, без сомнения, тоже присутствует.

Второе. Очевидной слабостью работы является попытка сведения анализа методов весьма сложного комплекса проблем к методам геополитики. Эти методы, безусловно, обладают определенной ценностью, и весьма уважаемы, однако методы исследования международных отношений к ним не сводятся. Как показано на одном из примеров выше, сознательное сужение инструментария исследования автором привело к упрощению аналитической модели, представленной в работе, и построению *черно-белой* картины кризиса. То же самое можно сказать и о списке цитирования – многие источники, задействованные в теоретической части работы, представляются случайными, да и собственно теоретическая часть (вводный раздел, раздел 8) представляются в работе лишними.

Последнее замечание, или вопрос, состоит в определении жанра работы. С одной стороны, у книги есть определенные признаки научной монографии, с другой – размытость методологии, излишняя эмоциональность и пространные рассуждения *от себя* заставляют отнести книгу В.Н. Рябцева к жанру публицистики, пусть весьма профессиональной и талантливой. Не совсем понятно, правда, кому эта публицистика адресована. Если целевой аудиторией являются профессионалы в области международных отношений, то много нового они для себя из этой работы не почерпнут, за исключением, возможно, некоторой интересной фактуры. Если целевой аудиторией полагается студенческая и политически активная молодежь, интересующаяся международной проблематикой, то есть опасения, что они получат достаточно однобокую картину ситуации вокруг Ирана. Автор весьма критически разбирает политику США в этом вопросе – и имеет на это полное право. Но давайте тогда не останавливаться и столь же откровенно поговорим о политике собственно Ирана, России, КНР и ЕС!

Каждый из внешних игроков в иранском кризисе, как минимум, ищет свою выгоду, а частенько еще старается навредить соседу. Иран и США действуют принципиально, пусть нам и не нравятся их принципы. Остальные – своекорыстно, что правильно с точки зрения *Realpolitik*, но довольно уязвимо с моральной точки зрения. 🐘

Примечания

¹ В.Н. Рябцев. Современный иранский кризис как объект геополитического анализа: региональный и глобальный контекст. Ростов-на-Дону, 2008, с. 88

² См., например, Александр Игнатенко. Расширенный Ближний Восток: не «возвращение религии», а конфликт секуляризации и клерикализации. Доклад на заседании Дискуссионного клуба «Валдай». 2007, 11 сентября.

³ G.W.Bush. State of the Union address. 2002, 29 January. <http://edition.cnn.com/2002/ALLPOLITICS/01/29/bush.speech.txt/> (последнее посещение – 14 февраля 2011 г.).

⁴ Ibid.

⁵ The Nomination of Dr. Condoleezza Rice to be Secretary of State. *Senate Congressional Report*. 109th Congress, 2005–2006.

